

КУЛЬТУРНЫЙ ОБЛИК СЛОВА: О СОСТАВЛЯЮЩИХ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО УРОВНЯ

Григорий Токарев

*Тульский государственный
педагогический университет им. Л.Н. Толстого*

Резюме. В статье рассмотрены составляющие лингвокультурного уровня. Результатом интеракции языка и культуры становится специфическая семиотическая система. Знаки языка получают новую семиотическую функцию, становясь элементами культуры. К ним относятся базовые метафоры, символы, эталоны, меры, прецедентные имена, безденотатные единицы, обереги. Интегральными признаками семантики элементов лингвокультурного уровня являются антропоцентризм, прототипичность, образность.

Keywords: language; culture; sign; semantics; mentality; metaphor; symbol; standard

В этой статье пойдёт речь о явлениях, которые существуют во всех лингвокультурах, то есть о так называемых культурных универсалиях. Специфическую сторону данных явлений представляет, прежде всего, образ и его интерпретация, а также национальная концептосфера, которая находит своё выражение данным способом.

Культура, как система мировосприятия и миропонимания народа, (Teliya, 1996) может использовать естественный язык в качестве материала, из которого она созидает особые знаки. Они формируют промежуточную между языком и культурой, лингвокультурную систему. Идея существования промежуточных знаковых систем принадлежит Ю.С. Степанову. В них роль плана выражения может брать на себя одна из смежных систем (Stepanov, 1971: 92]. Идея существования промежуточной лингвокультурной системы принадлежит В.Н. Телия (1996). Элементы духовной культуры получают репрезентацию уже готовыми лингвистическими знаками. Тем самым языковая система берёт на себя функцию плана выражения для системы культуры. Слова, фразеологизмы получают новую знаковую функцию – быть элементом культуры.

Лингвокультурная система представляет собой один из видов материальной культуры, отражающей архетипы, культурные концепты, установки, стереотипы, представления и др. Следуя идеям В. фон Гумбольдта, Э. Сепира, Б. Уорфа, любой язык формирует свою лингвокультуру. Языковые единицы наделяются особой ценностью, номинативная функция трансформируется в когнитивно-кумулятивную, поскольку данные знаки соотносятся с культурно значимым миром идей, а не предметов. Новая функция знака становится причиной появления новой семантики, которая может опираться на образ, положенный в основу номинации, на коннотации. Образ отражает национальное видение мира, культурную интерпретацию явления. На основе коннотаций может формироваться денотативно-сигнификативное содержание лингвокультурной единицы. Лингвокультурные единицы репрезентируют наивную картину мира, отражая тот инструментарий, которым пользуется лингвокультурная общность в процессе познания действительности и передачи обыденных знаний другим поколениям: наиболее важные смыслы, модели поведения, стандартные мнения и др.

Желая отличить привычные символы, эталоны, меры от лингвокультурных, В.Н. Телия предложила добавить к названиям данных явлений приставку *квази-*: квазисимволы, квазиэталон, квазимеры.

Для лингвокультурных единиц особенно актуален функциональный аспект классификации. С точки зрения функций можно выделить лингвокультурные единицы с информирующей (квазиэталон, квазимеры, номинации безденотативных понятий) и регулирующей (квазисимволы, языковые обереги) функциями. Интенция первой группы заключается в сообщении культурно маркированной информации, второй – в моделировании поведения.

Рассмотрим основные виды лингвокультурных единиц.

Квазиэталон – знак, отражающий представления о стандартах свойств и качеств человека. Например, *лиса* – хитрый человек, *тумба* – грузный человек, *огонь* – проворный, бойкий человек. При всей динамичности культурного процесса квазиэталон остается наиболее стабильной частью лингвокультуры. Они обобщают и организуют стереотипы, отражают доминанты языковой интерпретации тех или иных аспектов действительности, закрепляют наблюдения, которые стали житейскими правилами. Квазиэталон наиболее точно и ёмко отражает особенности национального характера.

Процессы эталонизации, символизации связаны с активной работой коллективного сознания, отражающего генезис культуры. Так, верования христиан в то, что голубь является воплощением Духа Господа, приписывание этой птице ряда прогностических, оберегающих функций привели к ценностной маркированности данного объекта. У слова *голубица* ‘самка голубя’ стали формироваться культурные коннотации ‘святость’, ‘непорочность’, ‘божественность’. Образ голубицы стал формой для стереотипа целомудренного,

невинного человека. Формирование семантики квазиэталона осуществляется путём сцепки культурной коннотации с содержанием стереотипа. Названные коннотации слова *голубица* соединяются с стереотипом святого, непорочного человека; слово становится квазиэталонном. В основе большинства квазиэталонов лежит сходство. К основным матрицам переноса можно отнести следующие:

- сходство деятельности, функции (*автомат* ‘кто-л. действующий бессознательно, безостановочно, с механической точностью’, *акула* ‘эксплуататор, хищнически пользующийся чужим трудом и имуществом’);
- сходство внешнего вида (*веник* ‘растрёпанный человек’, *кочерга* ‘старик или старуха’);
- сходство восприятия (*картина* ‘вызывающий восхищение, удивление своим видом, красотой человек’, *кипяток* ‘вспыльчивый человек’).

Квазиэталоны отражают компрессированные ценности человеческого сознания, типичные представления о тех или иных явлениях действительности. Квазиэталоны первыми приходят на ум при ответе на вопросы типа: «Как называется человек, обладающий качествами..., свойствами..., делающий что-либо?» Главное же, квазиэталоны соотносятся с стереотипами – стандартными мнениями о чём-либо. На этом основании можно предположить, что они репрезентируют прототипы.

Формирование того или иного квазиэталона, репрезентирующего прототип категории, опирается на практический опыт, наблюдения человека за действительностью либо на архетипические представления, априорно передающиеся от поколения к поколению. Так, наблюдения за поведением птиц легли в основу формирования прототипов рано или поздно встающего или ложащегося спать человека и вербализации их квазиэталонами *жаворонок*, *сова*.

Прототипический характер квазиэталонов подтверждается рядом их функциональных, номинативных характеристик. Во-первых, квазиэталоны частотны в речи носителей языка. Они широко используются в различных речевых жанрах (особенно в прецедентных текстах), выступают в качестве названий произведений, что свидетельствует об их текстообразующих функциях. Во-вторых, квазиэталоны обладают высоким продуцирующим потенциалом. Они часто выступают в роли ономаσιологической основы при образовании слов и устойчивых единиц. Ср.: *попугай* → *попугайничать*, *обезьяна* → *обезьяничать*. *Волк* → *не за то волка бьют, что сер, а за то, что овцу съел; волка ноги кормят; с волками жить по-волчьи выть*. *Ворона* → *ворона в павлиньих перьях, белая ворона, ни пава ни ворона*.

Квазиэталоны русского языка, отражая стандарты качеств человека, объективируют ценности русского народа, вербализируют систему императивов, направленных на человека, создавая его идеальный образ, фиксируя норму. Языковое сознание любого народа реагирует прежде всего на отступления

от нормы, поэтому внутренние формы квазиэталонов фиксируют стандарты хорошего или плохого. Как правило, объективируются в большей степени негативные стереотипы.

При определении эталона человека важно учитывать, какие ментальные аспекты подвергаются номинации, а также плотность номинаций. Наиболее важными аспектами в человеке для русского языкового сознания оказываются следующие:

- деятельностьные характеристики (человек и его практики);
- социальные характеристики и отношения (отношения человека к другим людям);
- внешность. (Характеристики расположены по степени убывания).

Менее значимыми являются интеллектуальные качества (знания, опыт), возраст, нравственная характеристика; психические свойства и ряд других. Отсюда следует первый вывод: важным для русских людей является то, как человек проявляет себя в различных видах практик. Эта сторона жизни оценивается наиболее строго. Для русских показательна социальная значимость, адекватность обществу, что связано с коллективизмом, соборным укладом жизни. Важными являются физиологические, внешние характеристики человека. Отметим, что они разноаспектны, что обуславливает большое количественное значение в этой группе.

Семантика квазиэталонов русского человека отражает стандарты русского характера. Человек должен быть трудолюбивым, здоровым, сильным, считаться с законом, не противопоставлять себя обществу, быть смелым, спокойным, жизнерадостным, воспитанным, честным, вежливым, доброжелательным, гуманным, добрым, нравственным, умным. Идеальный человек имеет средний доход. Он должен иметь невыделяющиеся черты лица, обладать хорошим зрением и слухом, быть стройным и иметь средний рост, быть опрятным. Как видим, особое внимание уделяется тому, как человек проявляет себя в различных видах деятельности, при общении с другими людьми. Отклонения от нормы объективируются квазиэталонами, фиксирующими антистандарты русского человека. В мужчине русское языковое сознание выделяет параметр физической силы, опыта, смелости, социальной значимости. В женщине – внешней привлекательности, молчаливости, доброты, сноровки.

Каждая лингвокультура формирует свои квазиэталоны. Так, в арабской лингвокультуре *утка* – симпатичная девушка, *верблюдица* – высокая красивая женщина, *орёл* – прожорливый человек; В турецкой: эталон прожорливого человека – *медведь*, жадного – *кит*. Во вьетнамской: *мыльница* – эталон толстой женщины, *утка* – медлительного человека, *куропатка* – подвижного, *лиса* – коварного, жадного, *черепаха* – мудрого, сильного, старого, медлительного человека, *львица* – ревливой женщины, *корова* – глупого человека. В русской лингвокультуре эталоном жестокости выступает *волк*, а в чешской – *воронё*.

нок. Эталоном изворотливости у русских является *уж*, у немцев – *кошка*, у англичан – *грач*. При этом надо заметить, что в некоторых языках квазиэталоны совпадают: *ягнёнок* – эталон кротости, *пчела* и *муравей* – эталон трудолюбия.

Квазимеры – знаки, указывающие на наивные эталоны измерения различных явлений действительности. Например, *до зелёного змея* ‘опьянеть до галлюцинаций, нервного расстройства’, *за тридевять земель* ‘очень далеко’.

Данный тип единиц наиболее ярко демонстрирует разницу между наивной и научной картиной мира. Окружающую действительность научно человек измеряет в метрах, литрах, килограммах, часах и др. Степень древних единиц измерения была более прагматичной: она позволяла человеку мерить тем, чем он располагал всегда: пядь, локоть, сажень.

Квазимеры отражают высокую степень прагматизма. Образ человека является наиболее продуктивным для образования стереотипов меры явлений. Характерно, что для языкового сознания наиболее важным становится внешний облик человека, все его «этажи»: *с головы до пят, по самые уши, до корней волос, до ушей, до девятой пуговицы, по макушку, головой выше, до пят*. Образы, связанные с частями тела человека, помогают охарактеризовать многообразные внутренние, «не доступные взору» процессы: *до костей, за обе щеки, семь потов сошло, во весь дух, на бровях, ни в одном глазу, большого сердца, от пуза*. Ментальная рефлексия над элементами человеческой субстанции формирует стандарты меры усилия, пространства, времени и др.: *малой кровью, семимильными шагами, рукой подать, на волоску, под боком, на соплях, до седины, до зубов, в голос, как на ладони*.

Наивные меры, квазимеры, приблизительны. Ср: *в три дуги* ‘очень низко’. Указанное свойство этих единиц ярко проявляет себя в переосмыслении научных эталонов. Ср.: *за версту* означает ‘неблизко’, а не конкретное расстояние в 1066,8 м.

Процесс научного измерения происходит путём соотнесения с эталоном меры. Идентичен процесс измерения в наивной картине мира. Эталоном здесь выступают внутренние формы вербальных единиц. Так, эталоном быстроты протекания процесса является брожение дрожжей – *как на дрожжах*. Это означает, что для квазимер существенно обладать живой внутренней формой.

Семантика квазимер предполагает допустимость вопросов: сколько, в какой мере, степени. Очевидно, что для квазимеры характерен интенсивный компонент значения.

Материальная оболочка знака культуры определяет особенности его употребления, сочетаемости. Так, мера количества, объёма может быть обозначена следующим образом: *с хвостом, по макушку, под завязку*. Ясно, что приведённые меры могут характеризовать разные объекты, хотя имеют инвариантное значение ‘что-либо в избытке’.

Квазимера связана с понятием нормы. Так, квазимера на булавки ‘на мелкие расходы’ указывает, что данная сумма небольшая, меньше стандарта, нор-

мы среднего. В то же время квазимера может выражать оценку: на один зуб – это не только указание на маленькую массу, несоответствие норме, но и отрицательную оценку данной меры.

Квазимеры используют образы всех культурных кодов:

- биоморфного (*воробью по колено*);
- фетишного (*ни в какие ворота*);
- пространственного (*до дна*);
- мифологического (*во дни царя гороха*);
- временного (*дни и ночи*);
- антропоморфного (*рукой достать*) и др.

Наиболее продуктивными вербализованными мерами стали: соринка, былочка, крошка, капля, иголка, копейка, грязь, волос, рука, глаз, золото.

Стандартизируются также представления о разнообразных процессах: *как вымело, под завязку, за семь вёрст киселя хлебать, пушечный выстрел, пруд пруди, на свалку, как в аптеке, хоть ножом режь, кашей не корми, из пушки не прошибёшь, ни в какие ворота не лезет, лучше в реку, хоть в петлю залезай*. Большинство из них связано с обыденными повседневными практиками человека. Скрипт той или иной ситуации закреплялся за определённой мерой положения дел.

Квазимеры образуют своеобразные линейки, ряды единиц, обозначающих различную степень чего-либо. Например, русская языковая картина мира отражает около 10 степеней пьянства. Образные основания единиц указывают на последствия опьянения: невозможность твёрдо держаться на ногах, чётко видеть, говорить, что-либо делать. Семантика единиц не позволяет определить точную градацию усиления признака. Можно выделить низкую степень опьянения (*под шофе*), среднюю (*под балдой*), высокую (*как сапожник, как зюзя, лыка не вяжет, ни в одном глазу*), очень высокую (*как стелька, на бровях, до зелёного змея, до чёртиков*). Как видно из примеров, маркируется прежде всего высокая и очень высокая степень.

Мера проявления признака может представлять его со знаком плюс и минус. Причём симметрия относительно нулевой точки (нормы) может отсутствовать. Так, мера присутствия, существования чего-л. в большей степени представлена отрицательными значениями, указывающими на отсутствие чего-либо: *ни шиша, ни уха ни рыла, ни соринки, ни былочки ни поживочки, не бог весть сколько, ни лысого беса, ни рожна*. Номинаций со значением присутствия в достаточном количестве немного: *до хрена, бог не обидел*. Данный факт наглядно демонстрирует универсалию репрезентировать отступления от нормы.

Определим круг явлений, которые пытается измерить русское сознание.

1. Коммуникация и её особенности (*в три этажа, на два слова*).
2. Воздействие чего-либо на человека (*по самые уши, от головы до пят, до корней волос*).

3. Затрачиваемые усилия (*семь потов сошло, на полную железку, со дна моря, и хвост и в гриву*).

4. Мера присутствия / существования (*ни шиша, ни соринки, бог не обидел*).

5. Мера финансовых расходов (*на булавки, грести лопатой, за копейки*).

6. Мера алкогольного опьянения (*под шофе, на бровях, как зюзя*).

7. Пространственная характеристика (*под рукой, бок о бок, в трёх шагах*).

8. Мера перемещения (*семимильными шагами, как черепаха*).

9. Характеристика объёма, вместительности (*с хвостом, не резиновый*).

10. Мера восприятия (*одним глазом, на глаз, как на ладони, краем глаз*).

11. Мера силы голоса (*в голос, как резанный*).

Кроме этого, можно выделить большое количество аспектов, которые представлены 1 – 2 номинациями. Например, внешние качества (*как на выставку*), чистота (*как стёклышко*).

Квазимеры отражают особенности национального мироощущения: внимательность русского человека как к внешнему, так и к внутреннему миру. Безусловно, большинство квазимер сформировалось в обыденной среде: *дешевле пареной репы, как горькая редька, седьмая вода на киселе* – и отражает культурные сюжеты, связанные с национально маркированными артефактами. Однако некоторые из них вобрали в себя мифологические представления: *бог не обидел, ни лысого беса, с Адама и Евы, во дни царя Гороха, до чёртиков, как у Бога за пазухой, за тридцать земель, куда ворон костей не заносил*. В семантике квазимер находим отражение представлений об устройстве мира: Земля имеет края (*хоть на край Земли*), время трудовой человек измерял движением солнца (*от зари до зари, ни зимой ни летом*), регулирующего начало и окончание работы. Специфичной чертой характера является ироничное отношение к действительности: *не баран начихал, с хвостом, на воробьиный скок, кот заплакал, как на собаке, как корове седло, воробью по колено*.

Безденотатные единицы – знаки, которые называют несуществующие явления действительности: *ковёр-самолёт, волшебная палочка* и др.

Если опираться на терминологию фольклора, эти единицы репрезентируют факты волшебного, фантастического мира. Основным источником безденотатной лексики является волшебная сказка.

Семантическая специфика данных единиц состоит в том, что в их значении доминирует сема функциональности. Они обозначают объекты, которые наделены способностью оказывать положительное или отрицательное влияние. Отсюда ярко выраженный оценочный компонент их значения, который становится мотивирующей платформой для употребления этих единиц в неосновном, переносном значении, за пределами фольклорного текста. Например, волшебное кольцо – предмет, при помощи которого герои вызывают помощников, выполняющих любые задания. *«То кольцо не простое; если перекинуть его с руки на руку – тотчас двенадцать мо-*

лодцев явятся, и что им не будет приказано, всё за единую ночь сделают» («Волшебное кольцо»). Очевидно, что данный предмет оценивается положительно, что находит прямое отражение в значении единицы. Безденотатные единицы не вступают в отношения тождества или оппозиции, что свойственно другим знакам лингвокультуры.

Большинство безденотатных явлений представляет собой переосмысление, наделение волшебными функциями обычных явлений действительности. Например, клубок или мячик, который показывает дорогу (*«На, возьми **клубочек**, пусти перед собою; куда клубочек покатится, туда и коня управляй»*) («Иван-Царевич и Белый Полянин»). *«Потом взяла **клубочек**, покатила по дороге и наказала вслед за ним идти, куда **клубочек** покатится, туда и путь держи!»* («Пёрышко Финиста ясна сокола»), дудочка, которая вызывает помощников (*«Глядь – на окне лежит **дудочка**. Взял ее в руки. «Дай, – говорит, – поиграю от скуки». Только свистнул – выскакивают хромой да кривой...»*) («Три царства – медное, серебряное и золотое»).

Выбор единицы, на базе которой формируется безденотатное слово, обусловлен обыденными представлениями, закреплёнными за предметом. Так, зеркало было связано с представлениями о потустороннем мире.

По всей вероятности, данные единицы отражали те чаяния русского народа, многие из которых стали возможными в современной жизни: быстрое передвижение, навигация, удобное и простое совершение различных действий. Безденотатные единицы отражают, с одной стороны, специфику быта, с другой – являются универсальными. Иные культуры активно заимствуют безденотатные единицы русской лингвокультуры.

Безденотатные слова могут быть классифицированы в зависимости от базового образа, положенного в их основу и связанного с тем или иным культурным кодом. Отметим, что преобладают образы фетишного, анимического и биоморфного кода. Так, одной из популярных безденотатных единиц анимического кода является живая и мёртвая вода. *«На третий день ворон прилетел и принёс с собой два пузырька: в одном – **живая вода**, в другом – мёртвая, и отдал те пузырьки серому волку»* («Сказка об Иван-царевиче, жар-птице и о сером волке») *«– Отпустите меня, сильномогучие богатыри» Я вам покажу, где мёртвая и **живая вода**»* («Безногий и безрукий богатыри»). *«Ворон полетел и принёс мёртвой и **живой воды**»* («Чудесная рубашка»).

Средством, подчёркивающим волшебную силу предмета, является определение: *шапка-невидимка, сапоги-скороходы, волшебное кольцо, золотая рыбка, серебряное веретено* и др., которое указывает на необычную функцию предмета или его ценность.

Безденотатные единицы представляют немногочисленную группу явлений лингвокультурного уровня по сравнению с другими классами квазисимволов, казизталонов, квазимер и др. Однако их живая внутренняя форма и функции

онирование в рамках прецедентных текстов обуславливает высокую значимость в пространстве лингвокультуры.

Языковые обереги – знаки, которые выполняют защитную функцию. Своёобразными оберегами являются этикетные выражения, а точнее, образы, которые лежат в их основе. Так, образное основание русского приветствия *здравствуйте* отражает пожелание здоровья, благодарности; *спасибо* – содержит просьбу к Всевышнему о спасении.

Лингвокультурные обереги в высокой степени прагматичны, ориентированы на ту или иную ситуацию, являются своеобразным ответом на «неудобный стимул». Обереги акциональны, отражают свёрнутую программу действий. В лаконичном ответе воспроизводится прототипическая картина той или иной ситуации, в то же время говорящий снимает с себя бремя ответа: *жизнь как русские горки: закроешь глаза – страшно, откроешь – тошно*. В основе большинства из них лежит квазистереотип, ритуализирующий ту или иную жизненную практику: *житьё как попадье за попом, как в самолёте: всех мутит, а не выйдешь, как в сказке: чем дальше, тем страшнее, как на пизанской башне: скоро пизанемся, как на корабле: тошнит, а плыть надо, как на пароходе: горизонты широкие и земли не видать*.

Обереги могут не отражать прямой оценки чего-либо, при этом в косвенной форме всегда оценочно маркируют стимул, рассматривают его как нечто нежелательное, способное принести человеку что-либо плохое. Нередко обереги, ввиду неопределённой семантики, обладают амбивалентной оценкой: *полный абзац 'очень хорошо / очень плохо'*.

Обереги императивны: они не допускают проникновения чужого в личное пространство человека. Данные единицы могут быть классифицированы по нескольким основаниям.

Во-первых, по стимулу, который воспринимается культурно-языковым сознанием как несущий в себе угрозу. В словаре ответных реплик В.Т. Бондаренко к таким стимулам относятся вопросы: где? куда? откуда? когда? как дела? как жизнь? кто? как зовут? пожелание здоровья или вопрос о нём. Таким образом, русское языковое сознание демонстрирует уход от открытой презентации субъекта и обстоятельств действий, отражает опасения по поводу времени и места осуществления, даёт сдержанную оценку положению дел, в том числе здоровью человека. Общая культурно-коммуникативная стратегия сводится к неопределённому или негативному представлению положений дел. Это означает, что языковая личность внутренне довольна ситуацией либо смирилась с ней и накладывает табу на экспликацию реальной положительной оценки. В этом отношении прагматика вербальных оберегов в чём-то подтверждает мнение А. Вежибкиной о пассивности русского человека, неконтролируемости ситуации.

Так, на вопрос *где?* Возможны ответы, в которых упоминаются культурные табу (названия гениталий и их эвфемизмы) *в Караганде, в гнезде и др.*,

что уже отражает тактику ухода от конкретного ответа и раздражение в отношении заданного вопроса. Лингвокультурные береги объективируют неопределенность, которая, как предполагается, помогает избежать говорящему что-либо негативное (зависть, порицание и др.): *где был, там уж меня нет, далеко, отсюда не видать*.

На вопрос *куда* типичными являются ответы *далеко, отсюда не видать; куда глаза глядят; куда царь пешком ходит; к чёрту на кулички; на кудыкину гору; журавлей цунать – не снеслись ли*.

Откуда: где был, там ничего не осталось; из Голливуда; из леса вестимо; из тех же ворот, откуда и весь народ; места надо знать; от верблюда; отсюда, откуда и все.

Нежелателен для русского языкового сознания вопрос *когда?* Для того чтобы уйти от ответа, русские используют неопределённые выражения: *в старинные года; давно, когда ещё баба девкой была; как только, так сразу; на днях или раньше; после дождинка в четверг*. Для выражения защитной стратегии используются образы нереальных действий: *когда Волга вверх потечёт; когда волк будет овцой, медведь садовником, свинья огородником; когда воробьи на юг полетят и др.*

Как нежелательные, требующие оберегающую фразу, воспринимаются вопросы об обстоятельствах действия: *как? – секрет фирмы, молча, а вот так*. Как видим, в ответах в открытой форме излагается отказ от описания обстоятельств либо неопределённый ответ. В прагматику берега входит использование иронических стратегий, связанных с обыгрыванием вопросительной фразы: *каком кверху, какать будешь потом и др.*

В вопросах о здоровье отвечающий использует тактику перевода ответа на спрашивающего: *и вам не хворать, и вам не кашлять, вашими молитвами*. В этих ответах наблюдается та же неопределённость, эвфемистичное указание на норму: *бога гневить нечего, слава богу*.

Особенно острым является вопрос о том, как идут дела. По данным словаря В.Т. Бондаренко, насчитывается несколько десятков ответов-берегов на поставленный вопрос. Их можно разделить на несколько групп. В первой даётся указание на норму: *бог милует, бог грехам терпит, бога гневить нечего, бывало и лучше, всё тип топ, всё в порядке, всё путём, всё пучком, грех жаловаться, не жалуюсь, как обычно, ничего себе, не так чтобы очень, живём помаленьку*. Во второй указывается на хорошее положение дел: *всё хоккей, как в лучших домах Лондона и Парижа, слава богу, как сажка бела*. В третьей утверждается переменное положение дел: *в полоску, местами, по-всякому, с переменным успехом*. В четвёртой констатируется плохое положение дел: *на букву х..., ни в тюрьму, ни в красную армию, так себе*.

В этой группе осуществляются те же стратегии: перевод ответственности на спрашивающего (*Вашими молитвами*), неопределённый ответ (*дела*

идут, ничего идут дела; голова ещё цела; живём да хлеб жуём; живём – покашливаем, ходим – похрамываем; живём в трудах, в грехах, но на своих ногах; живём – не скачем, упадём – не плачем), использование шутки, которая строится на парадоксе (живём на горке, а хлеба ни корки; живём хорошо: за нуждой в люди не ходим, своей хватает; живём хорошо, а вот можем плохо; жизнь бьёт ключом и всё по голове, Живём без кручины: нет ни дров, ни лучины).

Ещё одним аспектом, требующим употребления вербального оберега, является вопрос, уточняющий имя человека. Эту функцию выполняли мирские имена, прозвища. В этой же роли выступают и некоторые устойчивые фразы: *а как тебе больше нравится; зимой кузьмой, а летом филаретом; зовут зовуткой, а величают серой уткой; как вчера меня звали, так и сегодня зовут; такое прозвание, что с морозу не выговоришь.*

Таким образом, обобщённым ответом на нежелательные вопросы может стать универсальная фраза: *много будешь знать – скоро состаришься.*

Вторым лингвокультурологическим аспектом классификации может стать код культуры, с которым соотносится образное основание единицы.

Наиболее продуктивным является акциональный культурный код: *мыль верёвку; дела все в папках; дела у прокурора; живём как в курятнике: ближние норовят клюнуть, а все, кто сверху, срут на голову; пока не родила; живём в лесу, молимся колесу.*

Квазисимволы – знаки, концентрированно отражающие наиболее важные, обобщённые аспекты в представлениях о мире. Для семантики символа характерна глубина, смысловая многогранность, незавершённость. Н.Д. Арутюнова подчёркивает императивность семантики символа, «символ... определяет программу действий и создаёт модель поведения» (Arutyunova, 1999: 345). Так, в русской лингвокультуре *ветер* обозначает не только движение воздушных масс, но и наступившие перемены (*ветер перемен*). *Туча* номинирует не только облако, но и неприятности. Семантика культурного знака предписывает определённую интерпретанту.

Так, квазисимвол *дом* репрезентирует семы 'дела', 'хозяйство', 'совместность проживания', 'традиции', 'привязанность', 'защита', 'близкие люди', реализованные в интерпретантах, представленных пословицами: *Дом невелик, да лежать не велит. Домом жить, обо всем тужить. Дом – яма, никогда не наполнишь. Дом вести, не лапти плести (не задом трясти, не плясать). Свой дом не чужой: из него не уйдешь.*

Границей между своим и чужим пространством в русской культуре является порог. С порогом были связаны разнообразные представления, отражённые в приметах. Через порог нельзя здороваться, что-либо передавать. Считается, что это спровоцирует ссору. Нельзя стоять на пороге. Это могло сулить разлуку. Обычно за порог закладывали молитвы и обереги. Те же идеи выражены и

вербальным способом. *Он язык за порогом оставил. Мужнин грех за порогом остается, а жена все домой несет. Вот тебе Бог, а вот тебе порог.*

Близкие значения имеет символ *окно*. Существовало гадание: что услышишь под окном, того и жди. По ту сторону окна было чужое пространство, бедность, поскольку под окном обычно стояли попрошайки. *Грызть окна* ‘просить подавания’, *будешь ты у меня под окном стоять* ‘скоро обнищаешь’.

В пространстве избы существовал, во-первых, старший, передний, красный, образной, святой угол; во-вторых, бабий, куть, жернов угол; в-третьих, стряпной, печной угол; в-четвёртых, задний или дверной, коник. Наиболее важную символическую функцию выполнял передний, или красный угол. В него нельзя было ставить грязные вещи. По нему могли предсказывать будущее. Так, если он издавал треск, это было плохим знаком. В естественном языке угол стал символом пристанища: *найди свой угол*.

Вербальную символизацию получила печь. Данный символ развил такие значения, как ‘тепло’, ‘пропитание’, ‘бездействие’, ‘лень’: *печь нам мать родная; словно у печки погрелся; хлебом не корми, только с печи не гони; сижусь подле печи да грею плечи; лежи на печи да ешь калачи*.

Представления, связанные с трубой, нашли только вербальную презентацию. Труба – выход в чужой мир, безвозвратная утрата: *вылететь в трубу*.

Как видим, на формирование значения символа большое внимание оказывали наблюдения за предметом, общие представления о пространстве. Символика дома отражает архетипическую оппозицию «свой vs. чужой». Пространство устойчивого выражения становится удобной формой существования вербального символа культуры.

Особенностью лингвокультурной системы является нечёткость её границ. Содержанием единиц этого уровня является ментальное пространство культуры, выражением – единицы естественного языка в совокупности их плана содержания и выражения.

Единицы лингвокультурного уровня имеют ряд интегральных признаков. Все они объективируют основные составляющие наивной картины мира: представления, стереотипы, культурные установки и др. Лингвокультурные единицы прототипичны, поскольку отражают наиболее привычное в обыденном сознании народа. Доказательством прототипичности является то, что данные лингвокультурные единицы становятся базой фразообразования, словообразования, попадают в сильные позиции текстов.

Для их семантики свойствен антропоцентризм. Они ориентированы на человека, отражают важные аспекты его жизни.

Данным единицам присуща живая образность. Образ генерирует его эмоционально-оценочное переживание, отражает стандарты объяснения окружающей человека действительности.

Лингвокультурные единицы являются узлами национальных культур. Вокруг них образуются пучки культурно маркированных единиц: метафор, фразеологических единиц, паремий, сравнений и др.

Задачами лингвокультурологии является комплексное: семантическое, когнитивное, прагматическое, культурно-историческое описание лингвокультурных единиц, а также их лексикографирование.

REFERENCES/ЛИТЕРАТУРА

- Arutyunova, N.D. (1999). *Yazyk i mir cheloveka*. Moskva: Shk. «Yaz. rus. kul'tury». 895 s. [Арутюнова, Н.Д. (1999). *Язык и мир человека*. Москва: Шк. «Яз. рус. культуры». 895 с.]
- Bondarenko, V.T. (2013). *Otvetnyye repliki v russkoy dialogicheskoy rechi*. Tula: TGPU im. L.N. Tolstogo. 339 s. [Бондаренко, В.Т. (2013). *Ответные реплики в русской диалогической речи*. Тула: ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 339 с.]
- Stepanov Yu. S. (1971). *Semiotika*. Moskva: Nauka. 165 s. [Степанов Ю. С. (1971). *Семиотика*. Москва: Наука. 165 с.]
- Teliya V.N. (1996). *Russkaya frazeologiya: semantiko-pragmaticheskiy i lingvokul'turologicheskiy aspekty*. Moskva: Shk. «Yaz. rus. kul'tury». [Телия В.Н. *Русская фразеология: семантико-прагматический и лингвокультурологический аспекты*. Москва: Шк. «Яз. рус. культуры».]

THE CULTURAL FACE OF THE WORD: ABOUT THE COMPONENTS OF THE LINGUOCULTURAL LEVEL

Abstract. The article tells about the components of the linguocultural level. A specific semiotic system becomes a result of the interaction of language and culture. The language signs get a new semiotic function, becoming elements of culture. They include basic metaphors, symbols, standards, measures, precedent names, non-denotational units, charms. Integral signs of semantics of the linguocultural level elements are anthropocentrism, prototypicality, figurativeness.

✉ **Prof. Dr. Tokarev Grigoriy Valeriyevich**

Head of the Chair of Documentation and Stylistics of the Russian Language
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
125, Prospekt Lenina
300026 Tula, Russia
E-mail: grig72@mail.ru